

Становая Лидия Анатольевна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

lida_stan@mail.ru

Специфика изучения диасистемной вариативности языка в исторической ретроспективе (на материале старофранцузского языка)

Аннотация

Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении типов и видов диасистемной вариативности в исторической ретроспективе. На материале старофранцузского языка аргументируется необходимость различать и учитывать в диахроническом лингвистическом исследовании три вида диасистемной вариативности: реальную, предполагаемую и не диасистемную. Реальная диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями эволюции латинского языка в разных районах романского языкового ареала в период формирования романских языков и их диатопических вариантов (диалектов, или говоров). Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями общей эволюции французского языка, предположительно проходящей в старофранцузский период и вызывающей сосуществование диахронических и диатопических вариантных форм. Реальная диасистемная вариативность старофранцузского языка обуславливает все диасистемные особенности французских скриптов, предполагаемая – только диатопические и только скрипт XII–XIV вв. Недиасистемная, сугубо графическая вариативность старофранцузского письменного, рукописного узуса, характерная в целом для всех рукописных текстов и скриптов, отражает лишь нестабильность и неоднородность письменного узуса в целом в отсутствие единой орфографии.

Ключевые слова: вариативность, диасистема, историческая лингвистика, история французского языка, диалект, скрипта

© Становая Л. А. 2024

Для цитирования: Становая Л. А. Специфика изучения диасистемной вариативности языка в исторической ретроспективе (на материале старофранцузского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 144–167. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-144>

Lydia A. Stanovaïa

Herzen State Pedagogical University of Russia

St Petersburg, Russian Federation

lida_stan@mail.ru

Specificity of studying of diasystemic variability of language in historical retrospective (Based on Old French)

Abstract

The article aims to examine types and kinds of diasystemic variability of language in historical retrospective. Based on the material of the Old French language, the paper explains the need to distinguish and take into account three types of diasystemic variability in diachronic linguistic research: real, supposed and non-diasystemic. The real diasystemic variability of the Old French language is determined by the peculiarities of the evolution of the Latin language in different locations of the Romance language area during the formation of

Romance languages and their diatopic variants (dialects, or idioms). The supposed diasystemic variability of the Old French language is determined by the peculiarities of the general evolution of the French language, presumably taking place in the Old French period and causing the coexistence of diachronic and diatopic variant forms. The real diasystemic variability of the Old French language determines all the diasystemic features of the French scripta, the supposed ones are only diatopic and only for the scripta of the XII–XIV centuries. The non-diasystemic, purely graphical variability of the Old written French, handwritten usage, characteristic for all handwritten texts and scripta in general, reflects only the instability and heterogeneity of the written usage as a whole in the absence of unified orthography.

Keywords: variability, diasystem, historical linguistics, history of the French language, dialect, scripta

© Stanovaia L. A. 2024

For citation: Stanovaia, L. A. (2024). Spetsifika izucheniya diasistemnoy variativnosti yazyka v istoricheskoy restrospektive (na materiale starofrantsuzskogo yazyka) [Specificity of studying of diasystemic variability of language in historical retrospective (Based on Old French)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 144–167. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-144>

1. Введение [Introduction]

Любое диахроническое исследование является по сути исследованием вариативности языка и речи во времени и пространстве. Уже в начале XIX в. были предложены первые объяснения языковой вариативности – диалектное и диахроническое, которые на долгое время определили как методологию изучения истории языка, так и традицию интерпретации вариантных, или вариативных, форм.

Так, Г. Фалло [Fallot, 1839] объяснил вариативность графики французских рукописных текстов отсутствием единой орфографии и связал замеченные им вариативные формы глаголов, существительных, прилагательных, артиклей, местоимений и др., во-первых, с различиями между старофранцузскими диалектами, а во-вторых, с разным временем создания изученных текстов. Тем самым было положено начало исторической диалектологии французского языка. Одновременно с этим и сама история языка стала включать более или менее подробное описание региональной вариативности французского языка на разных этапах его формирования и эволюции.

Расширение понятия «диалект» – от региональной разновидности языка к социально-региональной (см., напр., [Жирмунский, 1936; Жирмунский, 1976, с. 254–255; Шишмарев, 1941, с. 188] и др.) – обусловило многолетние споры относительно выделения тех или иных французских диалектов и затруднило создание их непротиворечивой классификации. В результате, определение многих вариантных форм, описания самих диалектов и их особенностей, а также лингвистическая локализация рукописных текстов до сих пор вызывают бурные споры.

Понимание языка как диасистемы, т. е. как сосуществования нескольких вариативных систем, взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом, позволило уточнить причины и типы языковой вариативности следующим образом (подробнее см. [Лукина, 2014, 2020, 2022]): 1) диахроническая вариативность, обусловленная исторически, т. е. поэтапной эволюцией языка (современный язык, язык предшествующих эпох); 2) диатопическая, обусловленная территориально, т. е. региональной дифференциацией языка (национальный нормативный язык, диалекты, говоры и т. д.); 3) диафазическая, обусловленная функционально, т. е. функционально-стилистической дифференциацией языка (национальный нормативный язык, литературный по разным жанрам и стилям, разговорный, просторечно-фамильярный, публицистический, научный и т. д.); 4) диастратическая, обусловленная социально, т. е. социолингвистической дифференци-

ацией языка (национальный нормативный язык, социолекты, жаргоны, аргы и т. д.); 5) диамезическая, обусловленная системно, т. е. (диа-)системной дифференциацией языка (письменный язык, устный язык).

Применение диасистемного подхода, успешно используемого при изучении вариативности современных языков, к диахроническим исследованиям оказалось столь же продуктивным, однако выявило специфику изучения диасистемной вариативности языка в исторической ретроспективе. В результате исследования мы пришли к заключению о необходимости различать и учитывать в диахроническом лингвистическом исследовании три вида диасистемной вариативности языка: 1) реальную диасистемную вариативность; 2) предполагаемую диасистемную вариативность; 3) не диасистемную, сугубо графическую вариативность. Рассмотрение выделенных типов и видов диасистемной вариативности старофранцузского языка составляет *ц е л ь* настоящей статьи.

2. Теоретические и методологические основы исследования [Theoretical and methodological grounds for the study]

Изложенные в данном разделе теоретические и методологические основы исследования подробно описаны в различных наших работах (напр., [Скрелина, Становая, 2005; Становая, 1994, 2018; Stanovaïa, 2003, 2021 a] и др).

1. Вариативность является имманентным свойством языка на любом этапе его существования. Мнение некоторых историков языка об отсутствии диалектов на ранних (IX–XI вв.) этапах эволюции французского языка представляется некорректным.

2. Исследование любого языкового явления в диахронии должно учитывать специфику рукописного, т. е. допечатного, периода. Соответственно, необходимо строго и последовательно различать диалекты и скрипты, тексты произведений и тексты рукописей. Мнение некоторых историков языка, что предложенный нами подход осложняет исследование диатопической и иной вариативности старофранцузского языка, представляется ненаучным.

3. Учитывая известные терминологические споры и разногласия в определении понятий «устный», «письменный» (*oral, écrit*), уточняем, что диалект и скрипта не соотносятся ни как диасистемные варианты языка (устный vs письменный), ни как разные формы речи (устная, звучащая vs письменная, графическая), но как два разных и нетождественных феномена: язык и письменность. Скрипта как диатопический вариант письменности представляет собой чрезвычайно сложное и неоднородное образование, включающее как объективные составляющие, обусловленные особенностями соответствующего базового диалекта, так и субъективные, обусловленные особенностями субъективной (прескриптивной) нормы. Строгое и последовательное разделение диалекта и скрипты необходимо для корректной и адекватной интерпретации выявленных фактов, поскольку не все из них действительно свидетельствуют о проходящих языковых изменениях.

4. Достоверным и репрезентативным материалом лингвистических диахронических исследований признаются только реально существующие и корректно локализованные во времени и пространстве тексты рукописей IX–XV вв., а не гипотетические тексты произведений, восстановленные филологами XIX–XXI вв. Принимая во внимание существенную хронологическую и лингвистическую дистанцию между произведением и его письменной фиксацией в виде сохранившегося, реально существующего рукописного текста (или текстов), строгое и последовательное разделение «текст рукописи» и «текст произведения» необходимо для корректной датировки проходящих в языке процессов и объективного описания языковых явлений.

5. Учитывая роль латинского языка как основного языка письменности во Франции вплоть до конца XII – начала XIII вв., обусловившую малочисленность первых тек-

стов, считаем, что только материал французских рукописных текстов XIII–XIV вв. позволяет в полной мере выявить и изучить диасистемную вариативность старофранцузского языка с учётом экстра- и интралингвистических критериев, систематизировать варианты форм, представленные на различных уровнях языка (фонетическом, грамматическом, лексическом), определить факторы, повлиявшие на их использование во французских рукописных текстах.

6. В отсутствие единого нормативного национального языка, рассматриваем все диасистемные варианты старофранцузского языка как равные. Считаем теоретически и методологически неверным использование современного нормативного французского языка как точки отсчёта для систематизации диасистемных особенностей старо- и среднефранцузского языка в виде шкалы более или менее региональных, литературных, просторечных и других вариативных форм. Не разделяем популярную в настоящее время теорию, что диалоги и монологи, содержащиеся в литературных произведениях, являются адекватным письменным отражением устной речи (*oral représenté*) и что их можно использовать для выявления диамезических особенностей старо- и среднефранцузского языка.

7. Для изучения вариативности старофранцузского узуса наиболее эффективными, хотя и наиболее трудоёмкими, являются предложенные нами «горизонтальный» и «вертикальный» методы исследования рукописных текстов. Разница нормативных установок скрипт и роль писцов наиболее отчётливо проявляется при «горизонтальном» изучении рукописных вариантов одного произведения; «вертикальное» изучение разных произведений, представленных в одной рукописи, позволяет уточнить общие и частные особенности той скрипты, в рамках которой выполнена изучаемая рукопись, большую или меньшую вариативность её графического узуса, степень однородности или гибридности её языкового узуса (соотношение форм базового диалекта и иных), роль писца (писцов), выполнившего (выполнивших) изучаемую рукопись, уровень его (их) профессионализма, личностные предпочтения.

8. Графические формы, зафиксированные в рукописных текстах, не идентичны ни фонетическим, ни грамматическим, ни лексическим формам. Для установления фонетических, грамматических, лексических вариантов необходимо использовать различные современные методы лингвистического анализа. Количественные и статистические подсчёты графических форм служат только для выявления особенностей графики тех или иных скрипт.

3. Виды диасистемной вариативности старофранцузского языка [Types of diasystemic variability of the Old French language]

Специфика исследований диасистемной вариативности старофранцузского языка как языка рукописного периода определяется отсутствием единой кодифицированной нормы, регламентирующей соотношение как между устным, разговорным языком и письменным, литературным, так и между устной и письменной формами речи. Отсутствие прямого доступа к исследованию устной речи того времени не позволяет эмпирически установить точное соответствие между устными, звучащими и письменными, графическими единицами. Это означает, что интерпретация вариативных форм, зафиксированных в рукописных текстах, может быть различной – как свидетельствующей о диасистемной вариативности старофранцузского языка, так и свидетельствующей лишь о тех или иных особенностях скрипт.

В результате проведённого исследования форм имени существительного и его детерминантов (прилагательных, причастий, артиклей, указательных и притяжательных местоимений), зафиксированных в англо-нормандских, бургундских, валлонских, лота-

рингских, нормандских, пикардских и центрально-французских (франсийских) рукописных текстах IX–XIV вв., мы заключили, что выявленная вариативность имеет разную природу. Несмотря на то, что все исследуемые вариативные формы обусловлены отсутствием единого нормативного языка, не все из них действительно свидетельствуют о том или ином типе диасистемной вариативности старофранцузского языка: одни из них связаны с реальной или предполагаемой диасистемной вариативностью старофранцузского языка, а другие – только с отсутствием единой орфографии, обуславливающим существенно графическую вариативность рукописного узуса.

3.1. Реальная диасистемная вариативность старофранцузского языка [The real diasystemic variability of the Old French language]

Реальная диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями эволюции латинского языка в разных районах романского языкового ареала в период формирования романских языков и их диатопических вариантов (диалектов, или говоров).

Диатопическая вариативность систем артиклей (*li, le, lo, lou, lu* и др.), указательных (*cil, chilh, cis, chis, cist* и др.) и притяжательных (*mon, men, mun, ton, ten, tun* и др.) местоимений отражает реальные различия французских диалектов, существующие уже в старофранцузский период, а варианты формы, представленные в рукописных текстах, свидетельствуют о диатопических, диахронических, диафазических, диастратических и диамезических особенностях французских скриптов.

3.1.1. Вариативность указательных местоимений: [tʃ] vs [ts] [Variability of demonstrative pronouns: [tʃ] vs [ts]]

Особенности палатализации [ke, ki > tʃe, tʃi] в северных (пикардском, валлонском, верхне-нормандском) диалектах или [ke, ki > tse, tsi] в центральных, западных, восточных (франсийский, нижне-нормандский, лотарингский, бургундский) обусловили диатопическую вариативность систем указательных местоимений на [tʃ] или на [ts] в старофранцузских диалектах и её отражение в виде вариантов графических форм с «ch», например: *chis, chilh, chest, chist, ches, che, ch', chu, che, chou* и др. или с «с», например: *cil, cist, cis, cel, cest, cel, celui, celui, ce* и др.

Диатопическая вариативность указательных местоимений современного французского языка на [ʃ] или на [s], обусловленная дальнейшим преобразованием старофранцузских аффрикат [tʃ > ʃ vs ts > s], подтверждена данными лингвистических Атласов Франции (см., напр., [ALF, карты 206–209]).

Однако указанная реальная диатопическая особенность старофранцузского языка по-разному отражена во французских рукописях: в пикардских, валлонских и нормандских рукописных текстах формы с «ch» чередуются с формами с «с», при этом в разных рукописях их количество варьирует от min 0% до max 65%.

Именно эта диамезическая разница между диалектом как устным вариантом языка, использовавшимся в устной коммуникации, и тем письменным языком, который опосредованно представлен в письменных, рукописных текстах, обусловила появление термина и понятия «скрипт» [Remacle, 1948], ставшего импульсом к переосмыслению многих исходных положений диахронических исследований.

Анализ показал, что большее или меньшее количество диатопических вариантов форм, употребленных в рукописных текстах, обусловлено рядом факторов. Так, результаты различных исследований, в том числе наших, показали, что административно-деловые тексты, хартии всегда содержат большее количество форм базового диалекта, чем литературные. Например, нет ни одной формы (0%) указатель-

ных местоимений с «ch» в пикардском рукописном тексте второй половины-конца XIII в. песни-сказки «Окассен и Николетта» (P., V.N., f.fr. 2168), нормандском рукописном тексте второй половины XIII в. «Романа о Тристане» Бероуля (P., V.N., f.fr. 2171), валлонском рукописном тексте начала XIII в. проповеди «Страшный Суд» (Oxford, Bibl.Bodl., Canonici Misc. 174), тогда как в других, например, в пикардском рукописном тексте XIII в. эпической поэмы «Айоль» (P., V.N., f.fr. 25516) встречаются единичные (3%) формы с «ch», а в третьих их количество может достигать max 37% в пикардских, 12% в валлонских и 3% в нормандских рукописных литературных текстах. В хартиях, напротив, количество форм с «ch» может достигать max: 65% – в пикардских, 51% – в валлонских, 22% – в нормандских.

Согласно данным Атласов французского языка XIII в. А. Дееса, количество форм с «ch» в пикардских литературных текстах – 49% (Сомма, Па-де-Кале), хартиях – 76%; валлонских литературных текстах – 10%, хартиях – 43%; нормандских литературных текстах – 2%, хартиях – 26% [Dees, 1980, p. 27 ; Dees, 1987, p. 4.]¹.

Столь существенная разница показателей позволяет говорить о несомненной диафазической вариативности как старофранцузского языка – литературный и административно-деловой языки, так и французских скрипт – литературные и административно-деловые.

Добавим, что именно наличие большего количества форм базового диалекта в административно-деловых текстах объясняет, почему исследования по исторической диалектологии и скриптологии выполнялись преимущественно или исключительно на материале хартий, а по истории языка в целом – преимущественно или исключительно на материале литературных произведений: задачи исследователей были разными, поскольку диалектологи и скриптологи стремились выявить особенности диалектов и скрипт, а историки языка – установить общую эволюцию языка. Это – сугубо методологическое решение, но никак не идеологическое, неправомерно (см., напр., [Становая, 2019]) приписываемое филологам XIX–XX вв.

Традиционно принято объяснять небольшое количество диалектных форм в литературных текстах формированием французского нейтрального, наддиалектного письменно-литературного языка. На самом деле, как видим, речь идёт о преимущественном употреблении одних диалектных форм вместо (0%) или вместе (max 65%) с другими диалектными формами. Наши исследования показали, что диалектные формы, которые употреблялись во французских рукописях вместо или вместе с формами базового диалекта, являются франсийскими (подробнее см. [Становая, 2019 ; Stanovaia, 2003, 2021 a, b]). Таким образом, формирование французского письменно-литературного языка связано не с созданием и употреблением неких нейтральных, наддиалектных, литературных языковых единиц, а с сознательным выбором франсийских диалектных форм.

Престиж франсийского диалекта, обусловивший наличие франсийских форм во всех французских рукописных текстах, объясняется особенностями формирования письменности во Франции, сначала на латинском, а затем и на французском языке. Так, с самого начала своего формирования французская письменность основывалась на латинской письменной традиции, появившейся в Галлии в период романизации и сохранившейся далее в первых монастырях как основных центрах хранения и производства рукописей, обучения письму и формирования скрибов (переписчиков).

Реформы латинского письма, проведённые по приказу Хильперика и Карла Великого, не сократили постоянно увеличивавшегося разрыва между письменным латинским языком и формирующимся устным французским языком, но способствовали унификации письменного узуса латинских рукописей, в том числе написания новых француз-

¹ Здесь и далее цифры округлены до единицы – Л. С.

ских звуков и слов. Уже в монастырский период (VI–XII вв.) в крупных центрах письменности средневековой Франции вырабатывались письменные нормы, которые преподавались в школах, в основном, монастырских и кафедральных, в форме правил, некоторые из которых сохранились в орфографических трактатах XIII–XV вв. (*Orthographia Gallica, Ars Minor, Tractatus orthographie gallicane, Donait françois* и др.).

Письменный узус скриптория аббатства Сен-Дени, находившегося недалеко от Парижа в центре Франции (*Francia, France*), послужил основой для формирования региональных норм как латинских, так и собственно французских скрипт. Естественно, что письменный узус Сен-Дени формировался под влиянием франсийского диалекта, что и определило престиж франсийского, или, в терминах эпохи, французского языка (*franceis, francois*). Стремление, или даже обязанность писцов следовать письменным нормам крупных центров письменности обеспечили наличие франсийских форм во французских рукописях, а, соответственно, и их языковое сходство именно с франсийским диалектом, ставшим впоследствии диалектной основой современного французского языка (подробнее см. [Скрелина, Становая, 2005, с. 87–93; Становая, 2019; Stanovaia, 2003, 2021 a, b]).

Диахроническая вариативность старофранцузского языка обусловлена постепенной эволюцией как всей языковой системы, так и её отдельных подсистем. Однако, учитывая объективную невозможность подобного исследования в связи с отсутствием достаточного количества рукописных текстов, выполненных во всех районах Франции в IX–XII вв., можно только отметить, что все формы указательных местоимений, употреблённые в первых французских рукописях, были франсийскими: *cels, czo, celle* («Кантилена о Св. Евлалии», возможно пикардская или валлонская рукопись Valenciennes, Bibl. Municipale, ms. 150, около 900 г.); *ciel, ciefert, cil, cel, cio, czo* и др. («Житие Св. Леодегария», возможно валлонская или бургундская рукопись Clermont-Ferrand 240, около 1000 г.); *cift* («Страсбургские Присяги», возможно пикардская, франсийская, лотарингская и др., рукопись P., V.N., lat. 9768, около 1000 г.) (о локализации первых французских рукописных текстов см. [Становая, 2019, 2021]).

В исследованных англо-нормандских рукописных текстах XII в. также зафиксированы только франсийские формы на «с»: *(i)cil, (i)cist, (i)cest, (i)cel, (i)cele, (i)ceste* и др. Отметим, что в некоторых из них («Мистерия об Адаме», рукопись Tours 927, 1 часть; «Псалтырь», рукопись Cambridge, Trinity College R.17.1, anc. 987) зафиксированы графические формы *chi*, которые являются формами относительно-вопросительного местоимения *qui*, отображаемого графически в этих и других англо-нормандских рукописях преимущественно как *ki* или *qui*. Такая же графическая форма *chi* в значении *qui* употреблена в «Кантилене о Св. Евлалии», что ещё раз подтверждает ориентацию английских сcribes на архаичный французский узус (об этом см. [Stanovaia, 2007]). В двух других французских рукописных текстах XII в., лотарингском («Диалог жалующейся души и утешающего разума», рукопись ms. Epinal 209) и туренском («Хроника Нормандских герцогов», рукопись Tours 903) тоже употреблены только формы на «с»: *ceo, ceus, cel* и др. Диатопические варианты указательных местоимений *chis, chilh, chest, chist, ches, che, ch', chu, che, chou* и др., появляются в пикардских, валлонских и нормандских рукописях только в XIII в.

Таким образом, ранние рукописи IX–XII вв. и поздние XIII–XIV вв. различаются по наличию / отсутствию диатопических вариантов указательных местоимений на «ch»/«с». Учитывая реальность рассматриваемой диатопической вариативности старофранцузского языка, можно заключить, что в данном случае речь идёт не о диахронической вариативности старофранцузского языка, но о диахронической вариативности французских скрипт: ранние скрипты IX–XII вв. vs поздние скрипты XIII–XIV вв.

Традиционно отсутствие диатопических вариантов в первых рукописных текстах объяснялось отсутствием различий между французскими диалектами в IX–XI вв., кото-

рые, по мнению, например, Р. А. Будагова [Будагов, 1967, с. 290], М. Дельбуя [Delbouille, 1962, p. 18–24], Г. Фалло [Fallot, 1839, p. 14–20] и др., формируются и развиваются в течение XII–XV вв. Однако процесс палатализации [ke, ki > tše, tši] или [ke, ki > tse, tsi] проходил в период формирования французского языка, приблизительно со II–III вв. по VI–VII вв. (см., напр., [Широкова, 1995, с. 225 ; Zink, 1999, p. 103]). Следовательно, диатопические варианты на [tš] или на [ts] уже присутствовали во французских диалектах, и их отсутствие во французских рукописных текстах IX–XII вв. свидетельствует не об отсутствии различий между диалектами старофранцузского языка на ранних этапах его существования. Речь идёт исключительно о диамезических особенностях всех французских скрипт IX–XIV вв., с одной стороны, и диахронических особенностях французских скрипт IX–XII вв. vs XIII–XIV вв. – с другой.

Мы связываем диахроническую вариативность ранних и поздних французских скрипт со спецификой монастырского и светского этапов письменности во Франции. Монастырский период (VI–XII вв.) был периодом тесных связей между монастырями, скрипториями и библиотеками Франции, Англии, Германии и других стран западной Европы. Учитывая исходную франсийскую основу письменных норм, использовавшихся в церковных скрипториях и школах, употребление франсийских форм в первых французских рукописных текстах, включая англо-нормандские, представляется естественным.

В конце XII – начале XIII вв. монополия церкви на производство рукописей и обучение письму начинает исчезать, монастырский период письменности сменяется светским: основывается первый французский университет, появляются первые светские городские школы, в которых обучали письму, первые светские мастерские по изготовлению рукописей. Это изменение оказало существенное влияние не только на многократно увеличившееся количество французских рукописных текстов (IX–XII вв. – 329834 рукописи, из них французских текстов – 6, большинство рукописных текстов XII в. на французском языке выполнено в Англии; XIII в. – 510828; XIV в. – 564624; XV в. – 1195783 [Buringh, van Zanden, 2009, p. 442]), но и на растущую вариативность французского письменного узуса.

Перемещение производства рукописей в города вызвало разобщение письменных традиций. Крупные скриптории и канцелярии продолжали традиционную ориентацию на графические нормы основных центров письменности, а значит, и на престижный франсийский письменный узус. Отсюда – минимум диалектизмов в одних рукописях XIII–XIV вв. Только появляющиеся светские мастерские, естественно, не обладали длительным опытом производства рукописей, а их писцы, занимаясь созданием рукописей преимущественно на французском языке, безусловно испытывали большое влияние разговорного узуса. Отсюда – большее количество диалектизмов в других рукописях XIII–XIV вв.

К тому же и сам корпус писцов перестал быть однородным. В производстве рукописей стали участвовать не только клирики, сформированные в русле многовековой латинской традиции и работавшие в скрипториях и крупных канцеляриях, но и лаики, светские переписчики, среди которых были как профессиональные, члены специальных корпораций, так и свободные, непрофессиональные, в том числе стажёры, студенты, ученики и т. д.

Таким образом, произошедшие существенные изменения практики производства рукописей обусловили большее или меньшее количество форм базового диалекта в разных рукописях XIII–XIV вв., которые, хотя и выполнены в одних и тех же диалектных и скриптуральных зонах, могут столь существенно отличаться друг от друга. Очевидно, что в данном случае речь идёт как о диахронической, так и о диастратической вариативности французских скрипт.

Важно подчеркнуть, что рассмотренные диамезические, диатопические и диафазические особенности французских скрипт соответствуют диамезическим, диатопиче-

ским и диафазическим характеристикам старофранцузского языка. Напротив, диахронические и диастратические особенности являются только особенностями ранних и поздних скрипт, обусловленными спецификой монастырского и светского этапов. Все указанные диамезические, диатопические, диахронические, диафазические и диастратические особенности французских скрипт прослеживаются в реальной диасистемной вариативности определённого артикля и притяжательных местоимений.

3.1.2. Вариативность определённого артикля и притяжательных местоимений [Variability of the definite article and possessive pronouns]

Особенности бифуркации латинского указательного местоимения *ILLE* (*ILLE* > *il, le*; *ILLI* > *il, li*; *ILLOS* > *ils, les*; *ILLA* > *ele, la*; *ILLAS* > *eles, les*) и латинских притяжательных местоимений (*MEUM* > *mien, mon*; *MEAM* > *ma, meie* и др.) обусловили диатопическую вариативность систем определённого артикля и притяжательных местоимений в старофранцузском языке. Состав вариантных форм определённого артикля, ударных и безударных форм притяжательных местоимений отличается фонетико-графическим разнообразием и в полной мере представляет диатопическую, диахроническую, диафазическую, диастратическую и диамезическую специфику французских скрипт точно так же, как описанная выше диасистемная вариативность системы указательных местоимений.

Таковы, например, диатопические варианты определённого артикля: франсийские, нормандские, англо-нормандские мужского рода единственного числа (далее – м. р. ед. ч.) *li, le, l'*, женского рода (далее – ж. р.) ед. ч. *la, l'*, множественного числа (далее мн. ч.) *li, les*; валлонские ж. р. *li, ly, le*; лотарингские м. р. *lo, lou, lu*, ж. р. ед. ч. *lai, le*, мн. ч. *les, lez, le, los*; бургундские м. р. *lou, lu*, ж.р. *la, li* и др.; диатопические варианты притяжательных местоимений: франсийские, бургундские м. р. *mon, ton, son*, ж. р. *ma, ta, sa, mon, ton, son, m', t', s'*; пикардские, валлонские, нормандские м. р. *men, ten, sen*, ж.р. *me, te, se*; англо-нормандские м. р. *tun, tun, sun*; лотарингские м. р. *meu, teu, tuu* и др. Употребление пикардских и валлонских форм определённого артикля ж. р. ед. ч. *li, le* может достигать max 90% в пикардских и 78% в валлонских хартиях, 35% в пикардских и 27% в валлонских рукописях литературных произведений. По данным Атласов А. Дееса: 99% в хартиях – Север, 55% – Валлония [Dees, 1980, p. 40], 39% в рукописях литературных произведений – Сомма, 24% – Валлония [Dees, 1987, p. 83]. Таким образом, в отличие от указательных местоимений на «ch», формы определённого артикля ж.р. могут служить чётким критерием для локализации пикардских и валлонских рукописных текстов.

Столь же чётким критерием для локализации англо-нормандских и пикардских рукописных текстов являются англо-нормандские формы притяжательных местоимений м. р. ед. ч. *tun/m, tun/m, sun/m*, количество которых может достигать max 68% в англо-нормандских рукописях литературных произведений; 74% – по данным А. Дееса [Dees, 1987, p. 34]; и пикардских форм ж. р. ед. ч. *me, te, se*, количество которых может достигать max 81% в пикардских хартиях, а по данным А. Дееса [Dees, 1980, p. 83] – max 98%, Север; max 21% в рукописях литературных произведений, а по данным А. Дееса [Dees, 1987, p. 35] – max 27%, Сомма.

Можно заключить, что реальность диасистемной вариативности старофранцузского языка обуславливает диамезические, диатопические, диахронические, диафазические и диастратические особенности французских скрипт. При этом диамезические, диатопические и диафазические вариантные формы свидетельствуют о диамезической, диатопической и диафазической вариативности старофранцузского языка. Напротив, диахронические и диастратические вариантные формы свидетельствуют только о диахронической и диастратической вариативности французских скрипт.

3.2. Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка [The supposed diasystemic variability of the Old French language]

Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями общей эволюции французского языка, предположительно проходящей в старофранцузский период и вызывающей сосуществование диахронических и диатопических вариантных форм.

Диатопическая и диахроническая вариативность имени существительного и его детерминантов предположительно отражает прошедшие и/или проходящие в старофранцузский период языковые изменения и новые формирующиеся различия французских диалектов. К ним относятся:

– особенности вокализации [I > u] и последующей монофтонгизации комбинаторных дифтонгов и трифтонгов [au > o, eau > eo > o, eu > œ], обусловившие сосуществование различных слитных форм артикля (*du, del, dou, deu, delle* и др.), указательных местоимений (*ceulx, cheauz, cheas, cius, ciaux, ceauls* и др.);

– этапы и особенности морфологической реструктуризации форм притяжательных местоимений (*suen* → *sien*, *soue* → *seie*, *soie* → *sienne* и др.), эволюции системы указательных местоимений;

– функционирование или отсутствие старофранцузского именного склонения.

Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловила многочисленность разнообразных вариантных форм, составляющих яркую характеристику всего периода и всех скрипт, однако интерпретация этих форм вызывает непрекращающиеся споры исследователей.

3.2.1. Вариативность слитного артикля и местоимений с [I > u] [Variability of contracted article and pronouns with [I > u]]

Особенности вокализации [I > u], хронология которой до сих пор спорна (вульгарно-латинский или старофранцузский период), и дальнейшей (старо- и/или среднефранцузский период) монофтонгизации комбинаторных дифтонгов и трифтонгов обусловили сосуществование различных вариантов слитных форм артикля, интерпретация которых может быть как диахронической: «старые» на *-l* (*al, del, el*) и «новые» на *-u* (*du, au, ou*), так и диатопической, например, во франсийских рукописных текстах: *du, del, au, al, el, ou, u; des; as, aus; es*; англо-нормандских: *del, des, al, as, el, es*; нормандских: *du, au, el, eu*; валлонских *dou, du, del, deu, delle; au; el, ou, en le, ens, em; as, aus, az*; пикардских *dou, du, del; au, el, u, deul, dle*; бургундских *dou, au, u, eu, u, des, as, aux, es, alz* и др.

Этими же процессами вокализации и последующей монофтонгизации дифтонгов и трифтонгов обусловлена вариативность форм указательных местоимений, например: франсийских *cels, ceulx, ces, cez*; англо-нормандских *cels, ces, cez*; валлонских *cheauz, cheas, cheaus, ceaz*; пикардских *cius, chius, ciaux, chils, ciaux*; бургундских *ceauls, ceaus, celle, çai*; лотарингских *ciz, ceaus, ceaz, cex, cel; ceus, ceos, sous, ceas, sels, seus, ses, siaus, sous, cos* и др.

Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловила вариативность французских скрипт следующим образом. В первых рукописных текстах IX–XI вв. употреблены только формы слитного артикля на *-l*: *enl* в «Кантилене о Св. Евлалии» и *al, al, del, delf* в «Житии Св. Леодегария». Однако в рукописях XII в. употреблены и формы на *-u*. Так, во всех англо-нормандских рукописях, а не только XII в., преимущественно употреблены формы ед. ч. м. р. *del, al, el*, а формы *deu, au, eu* единичны. В туренской рукописи XII в. («Хроника Нормандских герцогов») формы *del, al, el* чередуются с формами *deu, au, eu*, а в лотарингской XII в. («Диалог жалующейся души ...») употреблены только формы *del, au*.

Формы мн.ч., представляющие тот же процесс вокализации, т. е. [a + les > als > aus, de + les > dels > deus, en + les > els > eus], зафиксированы во всех французских рукописях XII–XIV вв. преимущественно в виде графических форм *des, as ~ aus, es*. В сравнении с многообразием результатов вокализации [l > u] в формах ед. ч. такое практически единообразие результатов той же вокализации в формах мн. ч. поражает. Трудно предложить этому логичное объяснение в русле собственно фонетических изменений.

В остальных рукописях XIII–XIV вв. зафиксировано большее или меньшее количество форм на *-l*. Преимущественное употребление форм ед. ч. м. р. *del, al, el* составляет яркую диатопическую характеристику англо-нормандских скрипт. В остальных исследованных нами рукописях других районов формы на *-l* немногочисленны или чередуются с различными региональными вариантами, представляя диатопическую вариативность скрипт.

Наши результаты по англо-нормандским рукописям совпадают с данными Атласа литературных текстов А. Дееса [Dees, 1987, pp. 85, 87, 92]: формы *del* – 100%, *al* – 84%, *el* – 99%. Однако данные по другим районам не совпадают с нашими (см. табл. 1). Мы связываем разницу наших данных и Атласов А. Дееса с разницей материала и методологии подсчётов. Так, мы считали все формы слитных артиклей (100%) и из них количество форм на *-l*/без *-l*. Атласы представляют процентные соотношения одних форм против других, например: *dau, do, dou / deu, deus, du; del / deu, du; a / al, au, av; al / au, av, hau* и т. д. Иначе говоря, указанные в таблице проценты касаются только количества, например, формы *del* среди форм *del, deu, du*, а не из всех представленных в тексте форм (*del, dau, do, dou, deu, deus, du* и др.). Кроме этого, принимая во внимание отмеченную выше вариативность рукописных текстов внутри одной и той же скриптуральной зоны, мы, в отличие от А. Дееса, не распространяли данные 1–2 текстов на весь район (так у А. Дееса в районах, например: Вогезы, Франш-Конте, Мез, Мозель, и др.), а учитывали их по отдельности.

Т а б л и ц а 1. Вариативность *del, al, el* [Dees, 1980, pp. 42–58 ; Dees, 1987, pp. 85, 87, 92]
[T a b l e 1. Variability of *del, al, el*] [Dees, 1980, pp. 42–58 ; Dees, 1987, pp. 85, 87, 92]

район	<i>del</i> % хартии	<i>del</i> % лит. тексты	<i>al</i> % хартии	<i>al</i> % лит. тексты	<i>el</i> % хартии	<i>el</i> % лит. тексты
Нормандия	4	15	0	0,5	26	85
Валлония	98	100	22	99	99	100
Север Пикардия	94	50	6	1	100	75
Сомма Пикардия	20	63	1	15	74	86
Марна Шампань	?	22	0	1,6	83	96
Эно Шампань	100	99	23	32	100	100
Верхняя Марна Лотарингия	71	84	0	5	100	100
Мез Лотарингия	?	67	0	0	?	100
Мозель Лотарингия	?	100	2	100	?	100
Вогезы Лотарингия	?	100	0	17	?	100
Бургундия	14	99	1,6	27	?	98
Франш-Конте	16	0	0	0	89	0
Парижский р-н	2	17	0	0,6	16	80

Как видно из таблицы 1, преимущественное (более 50%) употребление форм на *-l* характерно не только для англо-нормандских скрипт. Однако, существенные – многократные! – различия показателей между литературными и административно-деловыми текстами (напр., *el*: Нормандия – 26/85; Париж – 16/80; и др.) или между разными предлогами (напр., Верхняя Марна: *del* – 71/84, *al* – 0/5, *el* – 100/100; Север: *del* – 94/50, *al* – 6/1, *el* – 100/75 и др.) представляются странными. Тем не менее, разнообразие вариантных форм слитных артиклей очевидно и позволяет выделить диатопические особенности скрипт. Выделить же диафазические и диастратические особенности скрипт не представляется возможным, поскольку употребление вариантных форм слитных артиклей в хартиях и литературных текстах не поддаётся систематизации так же, как и причины их выбора в целом. Таким образом, можно уверенно говорить только о диахронической вариативности французских скрипт IX–XI вв. и XII–XIV вв., с одной стороны, и о диатопической вариативности французских скрипт XII–XIV вв. – с другой.

Подчеркнём, что в данном случае диахроническая граница между скриптами IX–XI вв. и XII–XIV вв. не соответствует границе между монастырским и светским этапами письменности, но соответствует границе между скудными эмпирическими данными первых текстов IX–XI вв.: «Кантилена о Св. Евлалии» – общий объём 188 слов; «Житие Св. Леодегария» – 1400 слов; в «Страсбургских Присягах», объёмом в 115 слов, артикля нет вообще, и относительно многочисленными данными последующих текстов XII–XIV вв., например, тексты XII в.: «Песнь о Роланде» – 29312 слов; «Псалтырь» – 42500; «Хроника нормандских герцогов» – 24928, и т. д. Эти факты позволяют предположить, что отсутствие вариативных форм слитного артикля в первых текстах и их наличие в последующих может быть связано с многократным увеличением, начиная с XII в., доступного для изучения количества языкового материала.

Вопрос о диамезической вариативности устного старофранцузского языка и письменного, опосредованно представленного в рукописных текстах, остаётся открытым ввиду спорной хронологии рассматриваемых фонетических изменений. Тем не менее, необходимо добавить следующее. Традиционно колебания в графике служат историкам языка для изучения и описания хода языковой эволюции. Так, например, графические варианты *faire ~ fere*, *le ~ lai* и др. рассматриваются как свидетельства колебания произношения в связи с проходящей монофтонгизацией [ai > e]. При этом, как известно, языковая эволюция протекает постепенно и длительно, что обуславливает сначала появление единичных новых форм, затем равное сосуществование старых и новых вариантов, а лишь потом преимущественное употребление новых форм и постепенное исчезновение старых. Таким образом, одно языковое изменение занимает столетия, обеспечивая тем самым неразрывность взаимопонимания между членами одного языкового сообщества.

Образование и эволюция форм слитных артиклей и указательных местоимений связаны с двумя последовательными языковыми процессами. Сначала должны пройти и завершиться вокализация [l > u] и образование комбинаторных дифтонгов и трифтонгов [au, eu, eau], а только затем может начаться монофтонгизация этих дифтонгов и трифтонгов, образованных в результате вокализации [al > au > ao > o, el > eu > ou > o, del > deu > du; cels > ceus > cœ / ceaus > ceo > cje, cœ]. Только в таком порядке должны происходить колебания в написании форм слитных артиклей и указательных местоимений, обусловленные изменениями в произношении: сначала колебания в написании *-l ~ -u*, т. е. *el ~ eu*; *el ~ eau*, *al ~ au* и др., а лишь потом – монофтонгизация и колебания в написании диграф / триграф ~ простая графема, т. е. *eu ~ ou ~ o ~ u*, *au ~ ao ~ o*, *eau ~ iau ~ eo ~ io ~ o*.

Однако во французских рукописных текстах XII–XIV вв. зафиксированы графические варианты с чередованием *el ~ eu ~ eau ~ iau ~ ou ~ eo ~ o ~ u*, *al ~ au ~ o ~ ao* и др., согласно которым вокализация происходит одновременно с монофтонгизацией, что а priori невозможно. Следовательно, рассматриваемые графические варианты форм слитных арти-

клей и указательных местоимений не отражают реально проходящие в XII–XIV вв. фонетические изменения. Это, в свою очередь, означает, что речь идёт исключительно о скриптах, их нормах относительно написания форм слитных артиклей и указательных местоимений, влиянии базовых диалектов на состав диатопических вариантов и др.

Учитывая, что первые известные примеры вокализации (*Baudomerus* вместо *Baldomerus*, *Soacitho* < *salicetu*), названные Ф. Брюно и Ш. Брюно «неуклюжими написаниями» («*notations maladroites*» [Brunot, Bruneau, 1956, p. 50]) датированы VII в., можно предположить, что вокализация проходила не в XI–XII вв. [Brunot, 1973, pp. 158–159], а значительно раньше. Латинская и формирующаяся французская письменность сохранила архаичное написание с *-l*, отсюда – употребление только *enl*, *al*, *alf*, *del*, *delf* во французских рукописных текстах IX–XI вв. Преимущественное употребление архаичных вариантов *del*, *al*, *el* именно в англо-нормандских рукописных текстах полностью согласуется с описанной нами нормативной установкой английских скрибов на архаичный французский узус.

Сделанное заключение, что речь идёт о разнице скриптуральных норм, подтверждается также выявленной нами существенной разницей англо-нормандских и нормандских скрипт в целом. Несмотря на распространённое мнение об общности нормандского и англо-нормандского диалектов, определившее сам термин «англо-нормандский», ориентация английских скрибов на архаичный французский узус обусловила практически исключительное употребление форм на *-l*, тогда как ориентация нормандских скрибов на современный им разговорный узус обусловила преимущественное употребление форм *du*, *au*, но *el* в литературных текстах и *eu* в хартиях.

Начавшаяся в старофранцузском языке монофтонгизация дифтонгов и трифтонгов обусловила появление новых фонетических вариантов, а особенности светского этапа французской письменности, о которых речь шла выше, вызвали много- и разнообразие графических форм: общее количество вариантов форм слитных артиклей доходит до 30 [Nehb, 1902], из которых нам встретилось 24, а общее количество зафиксированных нами вариантов форм указательных местоимений составляет 48.

Можно заключить, что предположительность диасистемной вариативности старофранцузского языка обуславливает только диахронические и диатопические особенности французских скрипт IX–XIV вв. При этом ни диатопические, ни диахронические варианты формы не свидетельствуют о диатопической и диахронической вариативности старофранцузского языка. Относительно других типов диасистемной вариативности скрипт и старофранцузского языка в целом, нельзя сделать никаких аргументированных и подтверждённых эмпирически заключений.

3.2.2. Вариативность «детерминатив» vs «местоимение»

[Variability “determiner” vs “pronoun”]

Этапы морфологической реструктуризации форм притяжательных местоимений (*tuen* → *tien*, *toue* → *teie*, *toie* → *tiene*, *suen* → *sien*, *soue* → *seie*, *soie* → *sienne* и др.) и эволюции форм указательных местоимений, начавшихся в старофранцузский период и завершившихся формированием новых функциональных классов детерминативов и местоимений, хорошо прослеживаются на материале рукописных текстов XIII–XIV вв.

Многообразие диахронических и диатопических вариантных форм притяжательных (напр.: *suen*, *soen*, *suon*, *sui*, *soe*, *sue*, *sua*, *soia*, *soiue* и др.) и указательных (напр.: *cil*, *cis*, *cius*, *chil*, *chis*, *icil*, *cilh*, *chilh* и др.) местоимений является важной характеристикой всего периода и всех изучаемых скрипт. Однако другие виды диасистемной вариативности скрипт и старофранцузского языка в целом не поддаются систематизации по объективным и прозрачным критериям.

Например, формирующееся функциональное противопоставление «местоимение» vs «детерминатив» обуславливает преимущественное употребление форм указательных местоимений от *ISTE* (*cest, cist, ceste, ces* и т. д.) в функции детерминанта существительного, а форм от *ILLE* (*cil, cel, cele* и др.) – в функции подлежащего и дополнения, но не исключает иного употребления. Так, например, в валлонских хартиях, формы мн. ч. *c(h)e(s, z)* преимущественно употребляются в функции детерминанта существительного, а формы мн. ч. м. р. *c(h)e(a)us(z), c(h)eas(z)* – в функции косвенного дополнения, однако есть примеры употребления формы *c(h)e(s, z)* и в функции косвенного дополнения, например:

A tos cheauz ki ches lettres verunt & orunt [Wilmotte, 1888, Charte 1269]; *A tous cheaus qui ces presens letres veront* [Ibid, Charte 1272]; *A toz ceaz ki ces presens lettres verront & oront* [Ibid, Charte 1274]; *A tous cheas ki che lettres vieront* [Ibid, Charte 1291]; *A tous ces ki ces presentes lettres verront Et orront* [Ibid, Charte 1271]; *A tous ces ki ces presentes lettres* [Ibid, Charte 1270] и др.

Невозможность определить фактор выбора той или иной формы обуславливает постоянный интерес и нескончаемые споры в истории французского языка (см., напр., [Скрелина, Становая, 2005, с. 188–197; Buridant, 2019, pp. 177–206; GGHF, 2020, pp. 1567–1580] и др.).

3.3.3. Вариативность именных форм на -s / без -s [Variability of nominative forms with -s /without -s]

Вариативность форм существительных, прилагательных и причастий на -s / без -s по-прежнему вызывает споры исследователей. Проведённая верификация теории старофранцузского именного склонения на основе сопоставления и критического анализа аргументов и фактов, полученных в истории французского языка в течение всех 200 лет эмпирических исследований, снова убедительно доказала отсутствие старофранцузского склонения как действующей грамматической системы [Становая, 2021 б]. Проведённый анализ подтвердил ранее высказанное нами заключение [Становая, 1994] об отсутствии старофранцузского склонения, дополнил и уточнил его новыми фактами.

Вариативность касается только так называемых форм прямого падежа, в которых чередование конечных -s / -∅ не сопровождается регулярным противопоставлением грамматических значений (ед. ч. *mur ~ murs, pere ~ peres, flor ~ flors, ber ~ bers ~ barons*; мн. ч. *mur ~ murs, pere ~ peres, flor ~ flors, barons ~ baron*).

Отсутствие объективных методов, выявляющих истинный характер – звучащий или сугубо графический – показателя -s, не позволяет однозначно определить данные формы как сугубо графические или как графо-фонетические варианты, поскольку возможно, что оглушение конечного -s происходило в разных диалектах по-разному, но это языковое изменение не нашло адекватного отражения в графике. Мы также заметили, что чередование *s ~ z* возможно в тех случаях, где исключена аффриката [ts]: *choses/z, ceas/z, bois/z, parties/z* и др. Однако при произнесении или колебаниях в произнесении / опущении конечного -s должно быть всё наоборот, т. е. чередование *s ~ z* должно быть именно в тех случаях, где есть постепенно упрощающаяся аффриката [ts > s].

Формы так называемого косвенного падежа, напротив, отличаются единообразием, и чередование конечных -s / -∅ всегда сопровождается регулярным противопоставлением грамматических значений: ед. ч. -∅ (*mur; pere, flor; ber; baron*), мн. ч. -s (*murs, peres, flors, barons*). Аффриката [ts], появляющаяся в окончании мн. ч. в случае комбинаторики [t + s], преимущественно выражена графемой «z»: *toz, granz, diz* и др., однако формы на «s» возможны: *tos, grans, dis* и др. Увеличение числа графических вариантов мн. ч. на -s может свидетельствовать о проходящем упрощении аффрикаты [ts > s] в конце XIII – начале XIV вв.

Выбор тех или иных вариантных форм так называемого прямого падежа обусловлен разными скриптуральными нормами оформления имени, поэтому данный тип вариативности можно безусловно определить как диатопический. При этом необходимо подчеркнуть, что ориентация на разные нормы оформления имени – аналогический (пикардские, валлонские, лотарингские из Меца, бургундские, кроме Авалона и Отена, франсийские монастырских скрипториев и северных районов Иль-де-Франса) или этимологический (англо-нормандские, нормандские, туренские, лотарингские, кроме Меца, франсийские канцелярий и остальных районов Иль-де-Франса, бургундские Авалона и Отена) тип оформления – составляет важную характеристику всех французских скрипт.

Учитывая, что хронология прогрессивного разрушения именного склонения не прослеживается в хронологически разных рукописях одного и того же района, мы заключили, что склонение как действующая грамматическая система завершило своё функционирование в эпоху вульгарной латыни как периода формирования французского языка, т. е. до IX в. Поэтому сохранение разнообразных графических форм, создающих иллюзию склонения, несомненно свидетельствует о диамезических особенностях скрипт.

Однако отсутствие чёткой хронологической связи между частотностью графических форм прямого падежа на *-s* в ед. ч. и без *-s* во мн. ч. не позволяет определить данный тип вариативности как диахронический. Так, например, англо-нормандские рукописные тексты XII в., представляющие этимологический тип оформления имени, могут содержать: 10–20% «ошибок» («Четырехкнижие королей», рукопись P., Mazarine 54; «Псалтырь», рукопись Cambridge, Trinity College R.17.1 (987)); 25–45% («Песнь о Роланде», рукопись Oxford, Bodleian Lib., Dygby 23; «Житие Св. Алексия», рукопись Hildesheim, S. Godehards Bibl.); более 50% («Мистерия об Адаме», рукопись Tours 927, 1 часть).

Среди англо-нормандских рукописных текстов XIII в., 80% «ошибок» представлено в рукописи начала XIII в. («Апокалипсис», рукопись P., B.N., f.fr.403); напротив, рукопись середины XIII в. («Легенда о райском дереве», рукопись P., B.N., f.fr. 66) содержит менее 25% «ошибок», а рукописи конца XIII – начала XIV вв. («Житие Св. Николая» Уаса, рукописи Arsenal 902; Berlin, Deutsche Staatsbibl., Hamilton 270) ещё меньше – 15%; одновременно с этим, рукописный текст трактата «Галльская орфография» конца XIII в. (Towerdocument) – 100% «ошибок». Отсутствие диахронической вариативности англо-нормандских скрипт XII–XIII вв. очевидно.

Сосуществование аналогической и этимологической норм характеризует франсийские, лотарингские и бургундские скрипты XIII–XIV вв. Наличие рукописных текстов, выполненные в одних и тех же диалектных и скриптуральных зонах, которые могут отличаться графическим оформлением имени, позволяет говорить о диафазических и диастратических особенностях скрипт.

Мы выявили некоторые жанровые различия франсийских рукописных текстов. Все проанализированные нами хартии представляют этимологическую норму с 50–95% «ошибок», а большинство литературных – аналогическую с 5–25%. Соответственно, можно определить данный тип вариативности как диафазический, но только для франсийских скрипт, поскольку в других скриптах такое различие нами не было зафиксировано.

Между тем, в Атласах А. Дееса прослеживается схожая и иная картина: в хартиях Орлеанэ и Парижского региона – 76% и 64% «ошибок» соответственно, в литературных текстах – 78% и 64%; в Нормандии: хартии – 97%, литературные тексты – 77%, в Валлонии: хартии – 11%, литературные тексты – 14%, в Бургундии (Иона, Бурбоннэ, Бургундия), соответственно: хартии – 20%, 22%, 12%, литературные тексты – 18%, 34%, 27%; в Лотарингии (Верхняя Марна, Мез, Мозель, Вогезы), соответственно: хартии – 6%, 7%, 6%, 4%, литературные тексты – 26%, 46%, 0%?, 20%?, и др. [Dees, 1980, p. 206 ; Dees, 1987, p. 112].

Мы связали разницу наших данных и Атласов А. Дееса с разницей языкового материала: мы сравнивали данные отдельно по формам существительных и прилагатель-

ных, тогда как в Атласе хартий представлены данные по формам существительных м. р. ед. ч. в целом, а в Атласе литературных текстов – по формам только прилагательного м. р. ед. ч. *grant*.

Мы обратили внимание на некоторые жанровые различия англо-нормандских рукописных текстов. Так, проанализированные эпические поэмы («Песнь о Роланде», рукопись XII в. Oxford, Bodleian Lib., Dugby 23; «Песнь о Гильоме», рукопись XIII в. L., Br.M., add.38.663; «Отинель», рукопись XIV в. Middlehill 8345) содержат приблизительно равное количество «ошибок» – 25–45%, тогда как произведения англо-нормандских авторов («Житие Св. Николая» Уаса, рукописи конца XIII – начала XIV вв. Arsenal 902; Berlin, Deutsche Staatsbibl., Hamilton 270; «Песни» Марии Французской, рукопись середины XIII в. L., Br.M., Harley 978; «Житие Томаса Беккета» Бенуа, рукопись XIII в. Cheltenham, Thirlestaine House, Col. Ph. Fenwick 8113; «Роман о Бруте» Уаса, рукопись XIII в. Durham Cathedral C.IV.27.1.; «Житие Св. Жилия» Гильома Берневильского, рукопись XIII в. B. Laurentienne de Florence, 99) существенно различаются по цифровым показателям – 15–55%, так же, как и произведения религиозного характера («Житие Св. Алексия», рукопись XII в. Hildesheim, S.Godehards Bibl.; «Псалтырь», рукопись XII в. Cambridge, Trinity College R.17.1 (987); «Мистерия об Адаме», рукопись XII в. Tours 927, часть I; «Четырёхкнижие королей», рукопись XII в. P., Mazarine 54; «Легенда о райском дереве», рукопись середины XIII в. P., B.N., f.fr. 66); «Апокалипсис», рукопись начала-первой половины XIII в. P., B.N., f.fr.403) – 15–80%.

Соответственно, можно было бы предположить, что речь идёт как о диафизической, так и о диастратической вариативности. Однако, по мнению Д. Легга, однородность рукописей эпических поэм связана не с их жанровыми характеристиками, а с тем, что все они были выполнены для семьи Д'Ойли, коннетаблей Оксфорда [Legge, 1978]. Следовательно, предположение о диафизической и диастратической вариативности англо-нормандских скрипт требует дополнительного тщательного исследования.

Поскольку в разных вариантах трактата «Галльской орфографии» есть указания по написанию и произнесению некоторых форм с «*s / z*» или «*z / x*», а в трактате М. Т. Куэфюрелли (*Tractatus ortographie gallicane*) есть примеры написания пикардских форм ед. ч. на *-s* и, по мнению автора, «более красивых» (*pulchrius*) франсийских форм без *-s*, то, учитывая нормализаторские рекомендации авторов и соавторов трактатов и регламентирующий, прескриптивный характер скрипт, можно определить вариативность форм так называемого прямого падежа не только как диатопическую, но и как диастратическую.

Таким образом, диатопическая и диамезическая вариативность форм существительных, прилагательных и причастий на *-s* / без *-s* составляет яркую особенность всех французских скрипт; диафизическая – франсийских и, возможно, других; диастратическая – франсийских, пикардских и, возможно, других. При этом, ни диатопические, ни диамезические, ни диафизические, ни диахронические, ни диастратические варианты формы не свидетельствуют о диасистемной вариативности старофранцузского языка.

Можно заключить, что предположительность диасистемной вариативности старофранцузского языка однозначно проявляется только в одном своём типе – диатопическом, обуславливая диатопические особенности французских скрипт XII–XIV вв. Есть некоторые диахронические особенности французских скрипт IX–XI вв., с одной стороны, и XII–XIV вв. – с другой. Все остальные типы диасистемной вариативности французских скрипт или не проявляются вовсе, или проявляются нерегулярно, непоследовательно, затрагивая лишь некоторые скрипты. При этом, ни диатопические, ни диахронические варианты формы не свидетельствуют о диатопической и диахронической вариативности старофранцузского языка. Относительно других типов диасистемной вариативности скрипт и старофранцузского языка в целом, нельзя сделать никаких аргументированных и подтверждённых эмпирически заключений.

3.3. Недиасистемная, сугубо графическая вариативность письменного, рукописного узуса [Non-diasystemic, purely graphic variability of written, handwritten usage]

Недиасистемная, сугубо графическая вариативность письменного, рукописного узуса обусловлена отсутствием единой кодифицированной нормы, особенностями скрипт, переписчиков и др. Сугубо графическая вариативность форм имени существительного и его детерминантов представлена в чередованиях разных букв, например: существительные *choses ~ chosez; glise ~ glize; eglisez ~ eglises, hom ~ om ~ hon ~ on ~ ho;* артикли *li ~ ly, un ~ ung, as ~ az, aus ~ aux, del ~ dell, des ~ dez;* указательные местоимения *seus ~ ceus, cist ~ sist, chil ~ chilh;* притяжательные местоимения *nos ~ noz, vos ~ voz* и др. Эта вариативность отражает только нестабильность и неоднородность письменного узуса в целом, общие и частные особенности скрипт, разный уровень профессионализма переписчиков и их личностные предпочтения.

Сугубо графическая вариативность старофранцузского письменного, рукописного узуса не поддаётся систематизации в целом. Тем не менее можно отметить следующее. Для первых французских рукописных текстов IX–XI вв. характерны графические формы, в той или иной мере схожие с соответствующими латинскими этимонами, например: *rex* (лат. *rex*), *anima* (лат. *anima*), *oram* (лат. *oramus*), *ad iudha* (лат. *ad-iudare*), *cad huna* (лат. *cata una*), *falvar* (лат. *salvare*), *fradre* (лат. *fratrem*), *returnar* (лат. *tornare*), *corp* (лат. *corpus*), *tempf* (лат. *tempus*) и др. Эти формы отражают различные приёмы латинской письменной традиции (сокращения, контракции, элементы тиронской системы и др.), например: *ḏs* (лат. *deus*), *dō* (лат. *deo*), *xṗf* (лат. *christianus*), *xṗi* (лат. *christiani*), *&* (лат. *et*), *p* (лат. *per; par*) и др.

Напротив, новые французские звуки выражены графически неадекватно и непоследовательно. Так, для обозначения дифтонгов и трифтонгов преимущественно используются простые графемы (*poblo, favir, podir, dift* и др.), реже – диграфы и триграфы (*ruovet, buona, bellezour; foule, raneiet, coift* и др.); для звука [э] используются буквы «а» (*pulcella, buona, cad huna, fradra*), «о» (*poblo, karlo*), «е» (*fradre, karle*); для германских имён собственных используются латинизированные написания, принятые в латинских документах, начиная с VI в.: *Karlo, Karle, Karlus* (лат. *Karolo, Karoli*), *Lodhuvigs, Lodhuvig* (лат. *Hludovicus, Hladowici, Hludovuici*), *Ludher* (лат. *Lotharius, Hlotharii*) и т. д. (подробнее см. [Становая, 2021 а]).

Скудный материал первых французских текстов даёт столь же скудное количество вариантных форм: в «Кантилене о Св. Евлалии» их нет, в «Страсбургских Присягах» только – *fradra ~ fradre, karlo ~ karle*, в «Житии Св. Леодегария» чуть больше – *cil ~ ciel, seu ~ suo, Domine deu ~ dondeu ~ dnē* и др.

Несмотря на то, что в истории французского языка обычно отмечается латинизированный характер первых французских текстов, нельзя однозначно говорить о диахронических особенностях графической вариативности ранних и поздних французских скрипт, поскольку указанные и другие подобные особенности графического узуса ранних скрипт IX–XI вв. прослеживаются также в англо-нормандских рукописях XII–XIV вв., в которых для обозначения дифтонгов и трифтонгов часто используются простые графемы, например: *fet = feit, fait, fiet, ben = bien, bain, Deu = Dieu* и др., но есть одновременно: *reis, pleins, fraindre, jamais* и др.; для звука [э] часто используется буква «а», например: *tota, cesta, esta terra, pulcela, dama, laneta* и др.; но есть одновременно: *dulce, tables, barbe* и др. Заметим, что количество вариативных графических форм естественно увеличивается в соответствии с увеличением языкового материала французских рукописных текстов.

Использование приёмов латинской письменной традиции характерно в той или иной мере для всех французских рукописных текстов IX–XIV вв., например, в англо-нормандских XII–XIV вв.: *ḏs, dō, pḥt = prist, qē = que, iustise & amur* и др.; валлонских

XIII–XIV вв.: $q' = qui$, $b\bar{e} = bien$, $g\tilde{nt} = grant$, $\ddot{o} = our$, $p' = pri$ и др.; нормандских XIII–XIV вв.: $9 = com$; $sic\bar{o} = sicom$; $cri\bar{e} = crient$; $a\bar{i} = aient$ и др.

Некоторые диатопические и диастратические особенности графической вариативности раскрываются при «горизонтальном» изучении рукописных вариантов одного произведения и «вертикальном» изучении разных произведений, представленных в одной рукописи. Так, ориентация на архаичный французский узус как диатопическая и диастратическая особенность нормативных установок англо-нормандских скрипт обуславливает наличие в англо-нормандских рукописях архаичных графических вариантных форм, например, без частичной редукции конечного $-a$ ($terra > terre$): $tota$, $cesta$, $esta terra$, $pulcela$, $dama$, $lanema$ и др.; без исчезновения интервокальных согласных $-t-$, $-d-$ ($vita > vida > vida > vie$): $honorede$, $vetheir$, $vidha \sim vithe$, $amperedor$, $mudede$, $mustrethe \sim monstredhe$ и др.; без упрощения группы согласных ($tempus > tens$): $temps$, $corps$, $sept$, $insle$, $saincte$ и др.; без протетического \acute{a} - перед $st-$, $sp-$, $sc-$ ($stella > esteile$): $scola$, $sponsa \sim spuse$, $spadha$ и др.; без оглушения конечных согласных ($ornatum > ornet > orn\acute{e}$): $serat finet$, $ft' liured$; $est levet$, $ad vencut$ и др. Есть и архаизированные, т. е. неправильно восстановленные, графические вариантные формы, например: $conpta$ вм. $cunte < comitem$ (ошибочно восстановлены конечное $a > e$ и группа согласных $-mpt- > nt$); $pedra$, $medra$ вместо $pere$, $mere < patrem$, $matrem$ (ошибочно восстановлено конечное $a > e$); $cipted$ вместо $citet < civitatem$ (ошибочно восстановлены конечное $-d$ и интервокальное $-p- > -b- > -v- > \emptyset$); $queons$ вместо $cuens < comes$ (ошибочно восстановлено $qu > k$) и др. Количество и состав подобных форм, различающихся в разных англо-нормандских рукописных текстах, наглядно показывают, как различались представления англо-нормандских сcribes (переписчиков) о латинских и архаичных французских формах.

Подобные формы практически отсутствуют в других французских рукописях, в том числе нормандских. Так, проанализированные нормандские рукописные тексты XIII в. (нормандских рукописных текстов до XIII в. нет) не содержат архаичных и архаизированных написаний, графика в целом более вариативная, отчётливо видна ориентация нормандских сcribes (переписчиков) на современный им разговорный узус, например: $lour \sim lor \sim leur$; $tele \sim telle$; $roy(s) \sim roi(s)$; $Ivein(s) \sim Ivain(s)$ и др.

Большая или меньшая вариативность графического узуса рукописных текстов обусловлена также длительностью / прерывностью и развитостью / неразвитостью письменной традиции. Показательным в этом отношении является пример лотарингских скрипт. Скрипты Меца, известные как «стиль Меца» ($style de Metz$), передаваемый из поколения в поколение на протяжении многих веков, возможно с VIII в., поскольку уже в X в. Мец был крупнейшим центром по изготовлению рукописей [Schneider, 1967, p. 133], отличаются от других лотарингских скрипт регулярностью и единообразием графического узуса, аналогическим типом оформления имени, сравнительно большим количеством лотарингских форм.

Хаотичность и разнородность графического узуса, этимологический тип оформления имени, небольшое количество лотарингских форм характеризует остальные лотарингские скрипты. Более того, каждая лотарингская рукопись не из Меца отличается своим выбором тех или иных вариативных форм, представляя странное смешение лотарингских, франсийских, латинских, провансальских и франко-провансальских форм, например, слитных форм артикля $en + le$: $am \sim an \sim em \sim en \sim in \sim om \sim on \sim oun \sim um \sim un$; указательных местоимений, например: $sels \sim seus \sim cels \sim ceus \sim cex$; притяжательных местоимений, например: прямой падеж м. р. ед. ч. $meu(s) \sim me(s)$, $teu(s) \sim tuu(s) \sim te(s)$, $seu(s) \sim se(s) \sim su(s) \sim suu(s)$; прямой падеж мн. ч. $mi \sim mei \sim moes$, $ti \sim tui$, $si \sim sui \sim soes$ и др.

Причина этому кардинальному различию лотарингских скрипт – экономический и политический кризис XI–XII вв., который вызвал упадок всех, кроме Меца, лотарингских аббатств, а, следовательно, и лотарингских школ письменности, и обусловил тем

самым перерыв лотарингской письменной традиции. В XII в. начинается постепенное возрождение лотарингской культуры, возрождается связь с Францией, откуда приходят монахи. Однако голод 1195–1197 гг. помешал этому возрождению лотарингской письменной традиции. Только Мец сохранил своё богатство и могущество в эти трудные годы, а соответственно, и непрерывность своего «стиля Меца».

Сочетание «горизонтального» и «вертикального» анализа позволяет уточнить как общие и частные особенности различных скрипт, большую или меньшую вариативность графического узуса, так и уровень профессионализма и личностные предпочтения сcribe (переписчика) как говорящего, пишущего и мыслящего субъекта, который, в зависимости от языковых, визуальных и нормативных особенностей скрипт, прагматических задач, профессиональных привычек и индивидуальных предпочтений, мог выступать как автор, соавтор, редактор, переписчик рукописного текста.

Отметим, что разное отношение сcribes (переписчиков) к протографам, т. е. копируемым рукописям, является характерной нормативной особенностью каждой скрипты. С сожалением, добавим, что эта яркая скриптуральная особенность, важная как для уточнения локализации рукописи, так и для выявления норм французских скрипт в целом, совсем не учитывается ни в традиционной, ни в «новой» истории французского языка, основанных на смешении текста произведения и текста рукописи.

Так, по результатам исследований, в том числе наших, наибольшая свобода действий была разрешена пикардским переписчиком. Например, известная объёмная (219 f.) рукопись P., B.N., f.fr. 375, часто изучаемая лингвистами (несколько текстов были использованы в Атласе А. Дееса), в том числе нами, была выполнена в 1289–1317 гг. пятью или шестью пикардскими писцами. Рукопись представляет единый «пикардизированный» языковой узус, характерный для всей рукописи в целом и в полной мере представляющий особенности пикардских скрипт Арраса, несмотря на количество разных писцов и практически три десятилетия работы. Это сходство языкового узуса «по вертикали», т. е. разных текстов одной рукописи, свидетельствует о главенствующей роли переписчиков, которые выполняли рукописи согласно правилам, или нормам своих скрипт. При этом один из писцов – Перро де Несле (Perrot de Nesle) – добавил пролог и серию рифмованных аннотаций ко всем текстам рукописи, а другой – Жан Мадо (Jehan Madot) – дописал «Роман о Трое» Бенуа де Сен-Мора.

Франсийские переписчики, напротив, с уважением относились к протографам, вносимые ими изменения были минимальными. Поэтому франсийские варианты часто определяются как наиболее близкие к архетипу, при этом, однако, могут содержать различные окказиональные формы, возможно, протографические, что осложняет локализацию франсийских рукописей (подробнее см. [Становая, 2018 ; Stanovaia, 2021 a, b]).

Таким образом, недисциплинарная, сугубо графическая вариативность старофранцузского письменного (рукописного) узуса, характерная в целом для всех рукописных текстов и скрипт, существенно отличается от реальной и предполагаемой дисциплинарной вариативности старофранцузского языка тем, что сугубо графические вариативные формы никак не связаны с дисциплинарной вариативностью старофранцузского языка. Замеченные диатопические, диахронические и диастратические особенности графики составляют специфику рукописного периода. В них можно видеть отражение разных нормативных установок французских скрипт и разных профессиональных особенностей средневековых писцов.

3. Заключение [Conclusion]

Специфика исследований дисциплинарной вариативности старофранцузского языка как языка рукописного периода определяется отсутствием единой кодифицированной

нормы, регламентирующей соотношение как между устным, разговорным языком и письменным, литературным, так и между устной и письменной формами речи. Это означает, что интерпретация вариативных форм, зафиксированных в рукописных текстах, может быть различной – как свидетельствующей о диасистемной вариативности старофранцузского языка, так и свидетельствующей лишь о тех или иных особенностях скрипт.

В результате проведенного исследования форм имени существительного и его детерминантов (прилагательных, причастий, артиклей, указательных и притяжательных местоимений), зафиксированных в англо-нормандских, бургундских, валлонских, лотарингских, нормандских, пикардских и центрально-французских (франсийских) рукописных текстах IX–XIV вв., мы заключили, что выявленная вариативность имеет разную природу, в соответствии с которой необходимо различать и учитывать в диахроническом лингвистическом исследовании три вида диасистемной вариативности: 1) реальную диасистемную вариативность, 2) предполагаемую диасистемную вариативность, 3) не диасистемную, сугубо графическую вариативность.

Несмотря на то, что все исследуемые вариативные формы обусловлены отсутствием единого нормативного языка, не все из них действительно свидетельствуют о том или ином типе диасистемной вариативности старофранцузского языка: одни из них связаны с реальной или предполагаемой диасистемной вариативностью старофранцузского языка, а другие – только с отсутствием единой орфографии, обуславливающим сугубо графическую вариативность рукописного узуса.

Реальная диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями эволюции латинского языка в разных районах романского языкового ареала в период формирования романских языков и их диатопических вариантов (диалектов, или говоров).

Диатопическая вариативность систем артиклей (м. р. *li, le, lo, lou, lu* и др.), указательных (*cil, chilh, cis, chis, cist* и др.) и притяжательных (м. р. *mon, men, mun, ton, ten, tun* и др.) местоимений отражает реальные различия французских диалектов, существующие уже в старофранцузский период, а варианты формы, представленные в рукописных текстах, свидетельствуют о диатопических, диахронических, диафазических, диастратических и диамезических особенностях французских скрипт. При этом, диамезические, диатопические и диафазические варианты формы свидетельствуют о диамезической, диатопической и диафазической вариативности старофранцузского языка. Напротив, диахронические и диастратические варианты формы свидетельствуют только о диахронической и диастратической вариативности французских скрипт.

Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями общей эволюции французского языка, предположительно проходящей в старофранцузский период и вызывающей сосуществование диахронических и диатопических вариантов форм.

Диатопическая и диахроническая вариативность форм имени существительного и его детерминантов предположительно отражает прошедшие и / или проходящие языковые изменения и новые формирующиеся различия французских диалектов. К ним относятся: 1) особенности вокализации [l > u] и последующей монофтонгизации комбинаторных дифтонгов и трифтонгов [au > o, eau > eo > o, eu > œ], обусловившие сосуществование различных слитных форм артикля (*du, del, dou, deu, delle* и др.), указательных местоимений (*ceulx; cheauz, cheas, cius, ciux; ceauls* и др.); 2) этапы и особенности морфологической реструктуризации форм притяжательных местоимений (*suen* → *sien, soue* → *seie, soie* → *sienne* и др.), эволюции системы указательных местоимений; 3) функционирование или отсутствие старофранцузского именного склонения.

Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловила многочисленность разнообразных вариантов форм, составляющих яркую харак-

теристику всего периода и всех скрипт, однако интерпретация этих форм вызывает непрекращающиеся споры. Эта вариативность старофранцузского языка однозначно проявляется только в одном своём типе – диатопическом – и обуславливает диатопические особенности французских скрипт XII–XIV вв. Есть некоторые диахронические особенности французских скрипт IX–XI вв., с одной стороны, и XII–XIV вв. – с другой. Все остальные типы диасистемной вариативности французских скрипт или не проявляются вовсе, или проявляются нерегулярно, непоследовательно, затрагивая лишь некоторые скрипты. При этом, ни диатопические, ни диахронические вариантные формы не свидетельствуют о диатопической и диахронической вариативности старофранцузского языка. Относительно других типов предполагаемой диасистемной вариативности скрипт и старофранцузского языка в целом, нельзя сделать никаких аргументированных и подтверждённых эмпирически заключений.

Недиасистемная, сугубо графическая вариативность старофранцузского письменного (рукописного) узуса, характерная в целом для всех рукописных текстов и скрипт, существенно отличается от реальной и предполагаемой диасистемной вариативности старофранцузского языка тем, что сугубо графические вариативные формы никак не связаны с диасистемной вариативностью старофранцузского языка.

Недиасистемная, сугубо графическая вариативность письменного (рукописного) узуса обусловлена отсутствием единой кодифицированной нормы и отражает только нестабильность и неоднородность письменного узуса в целом, общие и частные особенности скрипт, разный уровень профессионализма переписчиков и их личностные предпочтения.

Сугубо графическая вариативность форм имени существительного и его детерминантов не поддаётся систематизации в целом. Тем не менее, можно отметить, что большая или меньшая вариативность графического узуса рукописных текстов обусловлена длительностью / прерывностью и развитостью / неразвитостью письменной традиции. Замеченные диатопические, диахронические и диастратические особенности графики составляют специфику рукописного периода. В них можно видеть отражение разных нормативных установок французских скрипт и разных профессиональных особенностей средневековых писцов.

Библиографический список

- Будагов, 1967 – Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М. : Высшая школа, 1967. 376 с.
- Жирмунский, 1936 – Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л. : Художественная литература, 1936. 299 с.
- Жирмунский, 1976 – Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л. : Наука, 1976. 695 с.
- Лукина, 2014 – Лукина А. Е. Понятие языковой вариативности в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Лингвистика. 2014. Т. 11, № 1. С. 7–11.
- Лукина, 2019 – Лукина А. Е. Диасистемный подход к изучению глагольных форм в истории французского языка // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2019. № 192. С. 185–194.
- Лукина, 2020 – Лукина А. Е. Эволюция глагольной системы французского языка (диасистемный подход) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 10. С. 220–225. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.44>
- Лукина, 2022 – Лукина А. Е. Виды диасистемной вариативности в истории французского языка // Человек и его Язык: Материалы XX юбилейной Междунар. конф. Школы-Семинара им. Л. М. Скредлиной, СПб, 14–16 сентября 2022 года. СПб : СКИФИЯ, 2022. С. 92–96.
- Скредлина, Становая, 2005 – Скредлина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. 2-е изд. М. : Высшая школа, 2005. 463 с.

- Становая, 1994 – Становая Л. А. Старофранцузская морфология и теория скрипты. Т. 1–2 : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 ; РГПУ им. А. И. Герцена. СПб, 1994. 503 с.
- Становая 2018 – Становая Л. А. Использование «вертикального» и «горизонтального» методов в исследованиях по истории языка // Известия РГПУ. 2018. №189. С. 219–229.
- Становая, 2019 – Становая Л. А. Франсийский как камень преткновения в истории французского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 164–199. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_164_199
- Становая, 2021 а – Становая Л. А. Истоки французской письменности // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака : сб. ст. по итогам VI междунар. конф. (22–26 марта 2021 года). М. : Изд-во «Спутник +», 2021. С. 405–411.
- Становая, 2021 б – Становая Л. А. Старофранцузское именное склонение – реальность или иллюзия? // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 112–134. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_112_134
- Широкова, 1995 – Широкова А. В. От латыни к романским языкам. М. : Изд-во РУДН, 1995. 283 с.
- Шишмарев, 1941 – Шишмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании. М. – Л. : Наука, 1941. XI. 338 с.
- ALF – Gillieron J., Edmont E. Atlas linguistique de la France. Paris: Champion, 1902–1910. 35 vol.
- Buridant, 2019 – Buridant Cl. Grammaire du français médiéval (XIe–XIVe siècles). Strasbourg : ELIPHI, 2019. XXIV, 1173 p.
- Buringh, van Zanden, 2009 – Buringh E., van Zanden J. L. Charting the Rise of the West: Manuscripts and Printed Books in Europe, A long-term perspective from the sixth through eighteenth centuries // The Journal of Economic History. 2009. Т. 69-2. P. 409–445.
- Brunot, 1973 – Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. Т. 1. De l'époque latine à la Renaissance. Paris : Collin, 1966 (2e tirage 1973). 597 p.
- Brunot, Bruneau, 1956 – Brunot F., Bruneau Ch. Précis de grammaire historique de la langue française. Paris : Masson et Cie, 1956. XXXVII, 642 p.
- Dees, 1980 – Dees A. Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Avec le concours de P. van Reenen et J. A. de Vries. Tübingen : Niemeyer, 1980. XIII, 371 p.
- Dees, 1987 – Dees A. Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein. Tübingen : Niemeyer, 1987. 684 p.
- Delbouille, 1962 – Delbouille M. La notion de «Bon usage» en ancien français // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1962. № 14. P. 9–24.
- GGHF – Grande Grammaire Historique du Français (GGHF). Vol. 1–2 / C. Marchello-Nizia, B. Combettes, S. Prévost, T. Scheer (Eds.). Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2020. LIV, 2186 p.
- Fallot, 1839 – Fallot G. Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Publ. par P. Ackermann. Paris : Imprimerie Royale, 1839. 588 p.
- Nehb, 1902 – Nehb G. Die Formen des Artikels in den französischen Mundarten // Zeitschrift für Französische Sprache und Literatur. 1902. Т. 24. P. 90–158; 208–261.
- Remacle, 1948 – Remacle L. Le problème de l'ancien wallon. Liège : Fac.de Philosophie et Lettres, 1948. 230, 14 p.
- Legge, 1978 – Legge M. D. Les chansons de geste et la Grande Bretagne // Marche Romane. Mélanges de philologie et de littérature romanes of. A. J. Wathelet-Willem. Liège : Cahiers de l'A.R.U.Lg., 1978. P. 353–355.
- Schneider, 1967 – Schneider J. Histoire de la Lorraine. 2-ème éd. Paris : PUF, 1967. 128 p.
- Stanovaia, 2003 – Stanovaia L. A. La standartisation en ancien français // The dawn of the written vernacular in Western Europe (Mediaevalia Lovaniensia, Series I, Studia XXXIII) / M. Goyens, W. Verbeke (eds). Leuven : Leuven University Press, 2003. P. 241–272.
- Stanovaia, 2007 – Stanovaia L. A. Traits typiques des scripta anglo-normandes // Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes. Т. II / Éd. par D. Trotter. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2007. P. 423–440.
- Stanovaia, 2021 а – Stanovaia L. A. Le dialecte et les scripta franciens: contours de la zone scripturale francienne // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 1. P. 97–117.

- Stanovaia, 2021 b – Stanovaia L. A. Le dialecte et les scripta franciens: particularités de scripta franciennes // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 2. P. 108–137.
- Wilmotte, 1888. – Wilmotte M. Essais de dialectologie wallonne // Romania. 1888. T. 17, N 3. P. 542–590.
- Zink, 1999 – Zink G. Phonétique historique du français. 6 éd. Paris : PUF, 1999. 254 p.

References

- Budagov, R. A. (1967). *Literaturnye yazyki i yazykovye stili [Literary languages and language styles]*. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1936). *Natsional'nyy yazyk i sotsial'nye dialekty [National language and social dialects]*. Leningrad : Khudozhestvennaya literatura Press. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1976). *Obshchee i germanskoe yazykoznanie [General and Germanic Linguistics]*. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Lukina, A. E. (2014). Ponyatie yazykovoy variativnosti v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvisticheskoy traditsii [The concept of variability in Russian and world linguistics]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser. Lingvistika [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics]*, 11 (1), 7–11. (In Russ.).
- Lukina, A. E. (2019). Diasistemnyy podkhod k izucheniyu glagol'nykh form v istorii frantsuzskogo yazyka [Diasystematic approach to the study of verb forms in the history of the French language]. *Izvestiya Rossiyskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science]*, 192, 185–194. (In Russ.).
- Lukina, A. E. (2020). Evolyutsiya glagol'noy sistemy frantsuzskogo yazyka (diasistemnyy podkhod) [Verbal system evolution in the French language (Diasystematic approach)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 13 (10), 220–225. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.44>
- Lukina, A. E. (2022). Vidy diasistemnoy variativnosti v istorii frantsuzskogo yazyka [Types of diasystemic variability in the history of the French language]. *Chelovek i ego Yazyk [People and their language]: Proc. XX jubilee international conf. L. M. Skrelina school-seminar, St Petersburg, September 14–16, 2022* (pp. 92–96). St Peterburg : SKIFIYA Press. (In Russ.).
- Skrelina, L. M., & Stanovaia, L. A. (2005). *Istoriya frantsuzskogo yazyka [History of the French language]*. 2nd edn. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Stanovaia, L. A. (1994). *Starofrantsuzskaya morfologiya i teoriya skripty [Old French morphology and theory of scripta]: Doctoral in Philological sci. diss.* In 2 volumes ; Herzen State Pedagogical University of Russia. St Petersburg. (In Russ.).
- Stanovaia, L. A. (2018). Ispolovanie «vertikal'nogo» i «gorizontal'nogo» metodov v issledovaniyakh po istorii yazyka [The use of “vertical” and “horizontal” methods in language history research]. *Izvestiya Rossiyskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science]*, 189, 219–229. (In Russ.).
- Stanovaia L. A. (2019). Fransiyskiy kak kamen' pretkoveniya v istorii frantsuzskogo yazyka [Francien as a stumbling block in history of the French language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (3), 164–199. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_164_199
- Stanovaia, L. A. (2021 a). Istoki frantsuzskoy pis'mennosti [The origins of French writing system]. *Yazyk i deystvitel'nost'. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V. G. Gaka [Language and reality. Scientific readings at Romance Languages Department named after V. G. Gak]: VI International conf. proc. (March 22–26, 2021)* (pp. 405–411). Moscow : Sputnik + Press. (In Russ.).
- Stanovaia, L. A. (2021 b). Starofrantsuzskoe imennoe sklonenie – real'nost' ili illyuziya? [Old French nominal declension – illusion or reality?]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7 (4), 112–134. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_112_134
- Shirokova, A. V. (1995). *Ot latyni k romanskim yazykam [From Latin to Romance languages]*. Moscow : RUDN Press. (In Russ.).

- Shishmarev, V. F. (1941). *Ocherki po istorii yazykov Ispanii [Essays on the history of the languages of Spain]*. Moscow – Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Gilliéron, J., Edmont, E. (1902–1910). *Atlas linguistique de la France (ALF)*. 35 vol. Paris : Champion.
- Buridant, Cl. (2019). *Grammaire du français médiéval (XIe–XIVe siècles)*. Strasbourg : ELIPHI.
- Buringh, E., van Zanden, J. L. (2009). Charting the rise of the West: Manuscripts and printed books in Europe. A long-term perspective from the sixth through eighteenth centuries. *The Journal of Economic History*, 69-2, 409–445.
- Brunot, F. (1973). *Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance*. Paris : Collin. (1e tirage 1966).
- Brunot, F., Bruneau, Ch. (1956). *Précis de grammaire historique de la langue française*. Paris : Masson et Cie.
- Dees, A. (1980). *Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Avec le concours de P. van Reenen et J. A. de Vries*. Tübingen: Niemeyer.
- Dees, A. (1987). *Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Avec le concours de M. Dekker; O. Huber; K. van Reenen-Stein*. Tübingen : Niemeyer.
- Delbouille, M. (1962). La notion de «Bon usage» en ancien français. *Cahiers de l'Association internationale des études françaises*, 14, 9–24.
- Marchello-Nizia, C., Combettes, B., Prévost, S., Scheer, T. (Eds.). (2020). *Grande Grammaire Historique du Français (GGHF)*. Vol. 1–2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton.
- Fallot, G. (1839). *Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Publ. par P. Ackermann*. Paris : Imprimerie Royale.
- Nehb, G. (1902). Die Formen des Artikels in den französischen Mundarten. *Zeitschrift für Französische Sprache und Literatur*, 24, 90–158, 208–261.
- Remacle, L. (1948). *Le problème de l'ancien wallon*. Liège : Fac.de Philosophie et Lettres.
- Legge, M. D. (1978). Les chansons de geste et la Grande Bretagne. *Marche Romane. Mélanges de philologie et de littérature romanes of. A. J. Wathelet-Willem* (pp. 353–355). Liège : Cahiers de l'A.R.U.Lg.
- Schneider, J. (1967). *Histoire de la Lorraine*. 2-ème éd. Paris : PUF.
- Stanovaïa, L. A. (2003). La standartisation en ancien français. In M. Goyens, W. Verbeke (Eds), *The Dawn of the Written Vernacular in Western Europe (Mediaevalia Lovaniensia, Series I, Studia XXXIII)* (pp. 241–272). Leuven : Leuven University Press.
- Stanovaïa, L. A. (2007). Traits typiques des scripta anglo-normandes. In D. Trotter (Éd.), *Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes* (T. II, pp. 423–440). Tübingen : Max Niemeyer Verlag.
- Stanovaïa, L. A. (2021 a). Le dialecte et les scripta franciens: contours de la zone scripturale francienne. *Crede Experto, 1*, 97–117.
- Stanovaïa, L. A. (2021 b). Le dialecte et les scripta franciens: particularités de scripta franciennes. *Crede Experto, 2*, 108–137.
- Wilmotte, M. (1888). Essais de dialectologie wallonne. *Romania*, 17 (3), 542–590.
- Zink, G. (1999). *Phonétique historique du français*. 6 éd. Paris : PUF.